

Е.Н. Туманик*

ВКЛАД ДЕКАБРИСТОВ В РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА СИБИРИ: ОБЗОР ЮБИЛЕЙНЫХ СОВЕТСКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ, ВЫШЕДШИХ В 1925 ГОДУ**

doi:10.31518/2618-9100-2026-4-5
УДК 94:332(571.1/.5)"1925"*Выходные данные для цитирования:*

Туманик Е.Н. Вклад декабристов в развитие сельского хозяйства Сибири: обзор юбилейных советских исторических изданий, вышедших в 1925 году // Исторический курьер. 2026. № 4 (48). С. 85–104.
URL: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-4-05.pdf>

E.N. Tumanik*

THE CONTRIBUTION OF THE DECEMBRISTS TO THE DEVELOPMENT OF SIBERIAN AGRICULTURE: AN OVERVIEW OF SOVIET HISTORICAL PUBLICATIONS PUBLISHED BY 1925**

doi:10.31518/2618-9100-2026-4-5

How to cite:

Tumanik E.N. The Contribution of the Decembrists to the Development of Siberian Agriculture: An Overview of Soviet Historical Publications Published by 1925 // Historical Courier, 2026, No. 4 (48), pp. 85–104.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-4-05.pdf>]

Abstract. The study of the agricultural activities of the Decembrists in Siberia is of significant interest not only for the development of the problems of socio-economic and agrarian development of the region, but also in terms of the characteristics of the Decembrist movement as a socio-political movement. This topic has been actively researched by Soviet historians, and the foundation for its study was laid in the mid-1920s with the publication of four anniversary collections in Irkutsk, Minusinsk, Chita, and Moscow, dedicated to the 100th anniversary of the Decembrist uprising. The article focuses on the historiographical analysis of these publications in the context of the study of the agricultural activities of the Decembrists in the settlements, which was most fully reflected in the works of B.G. Kubalov, A.V. Vatin-Bystryansky, and A.P. Kosovanov. In the thematic structure of the anniversary collections, the issues of the agricultural and economic activities of the Decembrists are predominant in the articles of the Minusinsk Museum Yearbook, although in terms of concept, the publication represents a transitional link from pre-revolutionary to Soviet historiography. Many authors demonstrate a new class-based approach in their research, particularly B.G. Kubalov, who presented the socio-economic interaction between the Decembrist nobility and the Siberian peasantry in the context of agricultural entrepreneurship with the inevitable elements of new bourgeois relations. Overall, the topic of the agricultural activities of the Decembrists in Siberia has become an integral part of the general issues of Siberian local history and the general history of the Decembrist movement, and it has been explored for the first time on a scientific basis using a diverse range of sources. Historians have emphasized and recognized the cultural mission of the Decembrists in the field of agriculture, appreciated their significant contribution to the development of the agricultural sector in Siberia, and declared their educational and economic influence on the Siberian peasantry.

Keywords: Decembrists, Siberia, agriculture, Soviet historiography.

* **Екатерина Николаевна Туманик**, кандидат исторических наук, Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: kattum@mail.ru

Ekaterina Nikolaevna Tumanik, Candidate of Historical Sciences, State Public Scientific and Technical Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: kattum@mail.ru

** Статья подготовлена по плану научно-исследовательской работы Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения Российской академии наук, проект № 122041100088-9 «Трансформация книжной культуры в социальных коммуникациях XIX–XXI вв.».

The article was prepared in accordance with the research plan of the State Public Scientific and Technical Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, project No. 122041100088-9 "Transformation of Book Culture in Social Communications in the 19th–21st Centuries."

The article has been received by the editor on 10.05.2026. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Изучение сельскохозяйственной деятельности декабристов в Сибири представляет значительный интерес не только для разработки проблем социально-экономического и аграрного развития региона, но и в плане характеристики декабризма как общественно-политического движения. Данная тема достаточно активно исследовалась советскими историками, при этом фундамент для ее изучения был заложен в середине 1920-х годов публикациями в четырех юбилейных сборниках, вышедших в Иркутске, Минусинске, Чите и Москве к 100-летию восстания декабристов. Статья посвящена историографическому анализу данных изданий в свете изучения сельскохозяйственной деятельности декабристов на поселении, которая из числа авторов сборников нашла наиболее полное отражение в трудах Б.Г. Кубалова, А.В. Ватина-Быстрянского и А.П. Косованова. В тематической структуре юбилейных томов проблематика аграрно-экономических занятий декабристов превалирует в статьях ежегодника Минусинского музея, хотя в концептуальном отношении издание представляет собой переходное звено от дореволюционной к советской историографии. Многие авторы демонстрируют в своих исследованиях новый классовый подход, прежде всего Б.Г. Кубалов, представивший социально-экономическое взаимодействие дворян-декабристов и сибирского крестьянства в условиях сельскохозяйственного предпринимательства с неизбежными элементами новых буржуазных отношений. В целом в середине 1920-х годов тема сельскохозяйственной деятельности декабристов в Сибири прочно вошла в общую проблематику сибирского краеведения и общую историю декабризма и впервые получила раскрытие на научной основе с использованием разнообразной источниковой базы. Историками была признана культуртрегерская миссия декабристов в области сельского хозяйства, оценен их значительный вклад в развитие аграрного сектора экономики Сибири, подчеркнуто просветительно-экономическое влияние на сибирское крестьянство.

Ключевые слова: декабристы, Сибирь, сельское хозяйство, советская историография.

Статья поступила в редакцию 10.05.2026 г.

Введение. Изучение сельскохозяйственной деятельности декабристов в Сибири важно и в плане характеристики декабризма как общественно-политического движения, и в плане разработки проблем социально-экономического и аграрного развития региона. Тема достаточно активно освещалась советскими историками и часто появлялась на страницах изданий, выходивших в 1920–1980-е годы. И хотя обобщающей работы по данному направлению исследований так и не было создано, тем не менее в трудах различных ученых в рассматриваемый период была заложена мощная база для появления такого труда. Занятия декабристов сельским хозяйством рассматривались в основном с двух точек зрения – как одна из форм необходимой жизнедеятельности на поселении (часто вынужденная) и как создание передовых новаторских прибыльных хозяйств буржуазного типа, существенно продвигавших вперед аграрный сектор и развитие производительных сил Сибири. Но насколько декабристы своими сельскохозяйственными занятиями способствовали совершенствованию отрасли в целом, аграрно-экономическому прогрессу и освоению Сибири, внедрению новых агротехнических технологий и увеличению урожайности, созданию и укреплению продовольственной безопасности края? Попытаемся проанализировать самое начало освещения этого вопроса на страницах важнейших юбилейных изданий-сборников о декабристах в Сибири, появившихся к 100-летней годовщине восстания на Сенатской площади, состав-

ляющих золотой фонд советской историографии декабристоведения и одновременно важный компонент библиотечных коллекций советского наследия, доступный современному читателю и исследователю.

К сожалению, сегодня даже профессиональные историки не столь часто обращаются к историографии советской эпохи о декабристах. Между тем здесь можно выделить работы как общего характера, так и биографического, как краеведческого, так и обзорного. Это же относится к частному ракурсу в рамках декабристоведения – рассмотрению сельскохозяйственной деятельности декабристов в Сибири. Говоря об изученности темы в целом, в работе «Освещение проблемы “Декабристы и Сибирь” в отечественной литературе. 1975–1985 гг.» советские ученые Г.Д. Казьмирчук и О.А. Рафальский подчеркнули: «Сельскохозяйственная деятельность ссыльных декабристов еще недостаточно изучена. Имеются аспекты, нуждающиеся в уточнении»¹. Эта ситуация сохраняется и по сей день. Цель нашей работы – выявление и презентация степени изученности темы на начальном этапе советской историографии в период самой постановки и начальной разработки с учетом определения общей концептуальной схемы как базы для дальнейшего изучения. По мнению С.Ф. Ковалю, именно в 1925–1933 гг. тематика, связанная с жизнью декабристов в Сибири, «превратилась в самостоятельную и значительную научно-краеведческую проблему»². И здесь важно выяснить, какое место в ее рамках именно в этот период занимало исследование сельскохозяйственной деятельности декабристов в сибирской ссылке. В задачи статьи входит не только создание общего историографического обзора, выявление лакунов в освещении сельскохозяйственной деятельности декабристов в Сибири и, напротив, наиболее изученных полей и аспектов темы, но и характеристика теоретических основ ее разработки в середине 1920-х годов.

Если брать весь советский этап декабристоведения, с нашей точки зрения правомерно выделить следующие периоды изучения именно сельскохозяйственной деятельности декабристов в Сибири: 1920–1930-е годы (издания довоенного периода); 1950–1970-е годы; наконец, работы 1980-х годов. Особняком в этом ряду стоит книга В.Н. Соколова, вышедшая в 1946 г. и представляющая собой своеобразный рубеж, сыграв весьма специфическую роль в разработке темы и определившая на долгие годы осторожное отношение исследователей к проблеме хозяйственной активности декабристов в Сибири, в том числе и в аграрной сфере³. Вместе с тем в работе В.Н. Соколова в отдельной главе дан общий, достаточно содержательный с фактической точки зрения очерк сельскохозяйственной деятельности декабристов в Сибири, и по сей день остающийся единственным во всей историографии. Очень удачно значение и место этой работы в контексте историографии определила Т.С. Мамсик: «Начало специальному вниманию к характеру хозяйственных занятий декабристов, к типу их хозяйств было положено работами В.А. Ватина-Быстрянского, Н.М. Дружинина, Б.Г. Кубалова, В.Н. Соколова. Затем в течение 40 лет вопрос о хозяйстве декабристов вновь решался попутно в связи с интересом к их общественной деятельности. Определенную роль в этом сыграло то обстоятельство, что В.Н. Соколов, дав очерк хозяйственной жизни декабристов в Сибири, высказал неверное положение о том, что сельскохозяйственная и промышленная деятельность дворянских революционеров, которой они занялись в период поселения в Сибири, отвлекала их от проблем освободительного движения в стране»⁴. То есть экономическая деятельность декабристов в Сибири трактовалась В.Н. Соколовым как помеха для их общественной активности и фактор обуржуазивания или обмещивания, способствовала социальной и политической деградации.

¹ Казьмирчук Г.Д., Рафальский О.А. Освещение проблемы «Декабристы и Сибирь» в отечественной литературе. 1975–1985 гг. Киев, 1987. С. 19.

² Коваль С.Ф. Декабристы в Сибири. Некоторые итоги и задачи исследования // Сибирь и декабристы. Иркутск, 1978. Вып. 1. С. 21.

³ Соколов В.Н. Декабристы в Сибири. Новосибирск, 1946.

⁴ Мамсик Т.С. Хозяйство ссыльных декабристов братьев Кюхельбекеров // Ссылные декабристы в Сибири. Новосибирск, 1985. С. 127.

Если же вернуться в год столетия восстания декабристов, то можно отметить, что тогда проблемы сельскохозяйственной деятельности декабристов в Сибири активно поднимались, ставились достаточно широко в силу историографических реалий эпохи и набора доступных источников – тема широко разрабатывалась, была важной. Но со временем ее актуальность стала отходить на задний план. В 1970-е годы, когда заговорили о развитии движения декабристов именно как идеологии, на первое место вышли общественные, социальные, культурные ракурсы освещения их пребывания в Сибири. Проблема изучения сельскохозяйственной деятельности декабристов оставалась на периферии вплоть до появления работ В.Б. Бахаева, вписавшего ее в общий идейный контекст декабризма.

Окончательный концептуальный перелом был намечен в 1980 г., когда в монографии «Общественно-просветительская и краеведческая деятельность декабристов в Бурятии» В.Б. Бахаев провел прямую доказательную связь между общественно-политическими идеями декабристов и их хозяйственной активностью в Сибири, имевшей самую широкую направленность, обратив внимание на тот факт, что сельскохозяйственная деятельность декабристов вписывалась в отрасль общественного хозяйства устава Союза благоденствия. Избрав данную отрасль, его члены должны были обращать особенное внимание на улучшение хлебопашества, всестороннее усовершенствование и развитие всего аграрного сектора. На этой ниве декабрист мог работать и приносить пользу Отечеству именно как общественный и политический деятель. Следовательно, по мысли автора, мы имеем дело ни с чем иным, как с продолжением и практическим развитием идей Союза благоденствия после восстания – итак, В.Б. Бахаев связал хозяйственную деятельность декабристов в Сибири с идеологией декабризма в целом, поставив в духе советской историографии 1980-х годов вопрос о продолжении движения декабристов после 1825 г., проявлявшегося, в том числе, и в их усилиях по аграрно-экономическому освоению края, имевших несомненное идейное основание⁵. У исследователей возникло понимание того, что декабристы, конечно, кто-то в большей, кто-то в меньшей степени, вкладывали в свою сельскохозяйственную деятельность определенный общественно-политический смысл. Подчеркнем, что книга В.Б. Бахаева до сих пор сохраняет свое не только научное, но и культурное значение в сибиреведении.

Тема сельскохозяйственной деятельности декабристов в Сибири в юбилейных изданиях 1925 г. Рассмотрим освещение темы о сельскохозяйственной деятельности декабристов в Сибири на страницах четырех юбилейных изданий, вышедших в 1925 г. к 100-летию юбилею восстания на Сенатской площади и заложивших основы и направления исследования сибирского декабристоведения: «Сибирь и декабристы» (Иркутск, 1925), «Декабристы на каторге и в ссылке» (Москва, 1925), «Декабристы в Минусинском округе (Ежегодник Мартыановского музея)» (Минусинск, 1925), «Декабристы в Забайкалье» (Чита, 1925)⁶ (рис. 1). Важность всех юбилейных изданий заключалась в их особых задачах, которые можно сформулировать следующим образом: во-первых, подвести итоги изучения темы о декабристах в Сибири практически за вековой промежуток времени и наметить перспективы ее дальнейшей разработки; во-вторых, ввести в научный оборот новые источники; в-третьих, определить новую концепцию изучения темы с применением актуальных методологических подходов (это удалось далеко не всем – пожалуй, с задачей в полной мере справился только иркутский сборник «Сибирь и декабристы»); в-четвертых, заявить о важности темы в структуре молодой советской исторической науки и зарезервировать для нее широкое исследовательское поле.

⁵ Бахаев В.Б. Общественно-просветительская и краеведческая деятельность декабристов в Бурятии. Новосибирск, 1980. С. 61–62.

⁶ Сибирь и декабристы. Статьи, материалы, неизданные письма, библиография. Иркутск, 1925; Декабристы на каторге и в ссылке: 1825–1925. Сборник новых материалов и статей, составленных Комиссией Всесоюзного общества политкаторжан по празднованию столетнего юбилея восстания декабристов. М., 1925; Декабристы в Минусинском округе. К 100-летию юбилею восстания декабристов. Ежегодник Государственного музея им. Н.М. Мартыанова. Минусинск, 1925. Т. III, вып. II; Декабристы в Забайкалье: неизданные материалы. Чита, 1925.

Остановимся подробнее на характеристике изданий, где наиболее подробно раскрываются вопросы, связанные с сельскохозяйственной деятельностью декабристов. Больше всего материалов можно найти на страницах сборника Государственного музея им. Н.М. Мартыанова в Минусинске. Тематический выпуск музейного ежегодника, вышедший из печати 20 ноября 1925 г., получил название «Декабристы в Минусинском округе. К 100-летию восстания декабристов» и посвящен почти исключительно истории декабристской ссылки. В сборник вошли три статьи: «Политическая ссылка в Минусинске» В.А. Ватина-Быстрянского, которая хорошо известна исследователям и часто цитируется, и две А.П. Косованова биографического плана об отдельных декабристах, проживавших в Минусинске и Минусинском округе. Обратим внимание, что под статьей В.А. Ватина-Быстрянского указаны время и место написания – Минусинск, 1916 г. Для сборника статья не была адаптирована автором в рамках нового формирующегося марксистского подхода, тем не менее, опубликованная в 1925 г. к 100-летию восстания декабристов, она все равно относится уже к советской историографии. Мы рассматриваем эту работу как переходную от дореволюционного этапа историографии декабризма к советскому, своеобразное связующее звено в рамках разработки темы «Декабристы в Сибири». Это же относится и ко второй части юбилейного сборника со статьями А.П. Косованова. Таким образом, минусинское издание концептуально вписывается в рамки переходного звена от дореволюционной к советской историографии, в то время как иркутские, читинские и московские исследователи уже активно демонстрируют элементы новой методологии.

Сборник статей под редакцией А.В. Харчевникова, подготовленный совместно с Читинским государственным областным музеем им. А.К. Кузнецова и Забайкальским отделом Государственного географического общества, вышел из печати в Чите 3 декабря 1925 г. Издание выделяется из общего ряда рассматриваемых юбилейных томов тем, что носит преимущественно источниковедческий характер и его главная задача – введение в научный оборот новых документов о декабристах, в том числе и для того, чтобы всесторонне представить их жизнь на поселении. В предисловии, написанном Г.С. Грешениным, сказано о цели издания: «Узнать декабристов, понять условия, в каких выработалось их движение, уяснить обстановку, в какой оно протекало – значит установить теснейшую преемственную связь развития революционного движения, найти его истоки. Сохранившиеся архивы дают для этого материал. <...> Поэтому требуется кропотливая упорная работа по тщательному изучению публикуемых материалов <...>. Сборник надо не просто читать, а серьезно и вдумчиво поработать над ним»⁷. Из авторов издания сельскохозяйственной деятельности декабристов в Сибири касаются в своих работах А.Г. Эпов и В.П. Гирченко. Статья А.Г. Эпова «Декабристы в Забайкалье. Краткий очерк» примечательна тем, что единственная из всех материалов, опубликованных в рассматриваемых четырех изданиях, носит обзорно-обобщающий характер и по своим задачам призвана создать цельную картину пребывания декабристов в определенном регионе Сибири. Конечно же, автор не смог пройти мимо занятий декабристов сельским хозяйством, особо подчеркнув, что, помимо экономических мотивов, они руководствовались определенными идеями, в числе которых развитие рациональной хозяйственной деятельности на основе собственного труда, просветительство и культуртрегерство, стремление улучшить сибирскую жизнь и сельское хозяйство, распространить свои знания. Опираясь на изыскания В.П. Гирченко, А.Г. Эпов приводит краткие сведения о сельскохозяйственной деятельности братьев Бестужевых и К.П. Торсона в Селенгинске («Бестужевы в широких размерах вели сельское хозяйство», занимаясь при этом «совершенно новой для края отраслью – разведением тонкорунных овец», имея стадо размером до 600 голов, К.П. Торсон пытался механизировать сельское хозяйство, устроил мельницу и молотилку, «знакомил местных жителей с улучшенными сельскохозяйственными машинами»)⁸. Достоин внимания упоминание о сельскохозяйственной деятельности

⁷ Грешенин Г.С. Предисловие // Декабристы в Забайкалье: неизданные материалы. Чита, 1925. С. 7.

⁸ Эпов А.Г. Декабристы в Забайкалье. Краткий очерк // Декабристы в Забайкалье: неизданные материалы. Чита, 1925. С. 19–20.

Д.И. Завалишина, которая часто отходит на второй план среди других проблем биографии декабриста, например, его общественно-политической деятельности в Сибири. Поселенный в Чите декабрист получил первоначальную известность именно «как сельский хозяин-землепашец, старавшийся привить более культурные формы земледелия»⁹.

Из работ московского и иркутского сборников акцентируем внимание на исследованиях Б.Г. Кубалова, вносящих существенный вклад в постановку и разработку темы сельскохозяйственной деятельности декабристов в Сибири, а также проанализируем статьи и статьи-публикации В.А. Гонцовой-Берниковой, П.Н. Попова и П.Н. Сакулина (Москва), посвященные жизнедеятельности отдельных декабристов, где раскрыта тема их аграрно-экономических занятий в ссылке.

Б.Г. Кубалов о сельскохозяйственной деятельности декабристов. Работы классика сибирского декабристоведения Б.Г. Кубалова правомерно выделить в отдельный ряд, и начать стоит со статьи «Крестьяне Восточной Сибири и декабристы»¹⁰. Данная работа вошла в иркутский юбилейный сборник «Сибирь и декабристы», раскрывая в издании тему сельскохозяйственной деятельности декабристов в регионе. В 1920-е годы молодая советская наука переходила к классовым подходам, и в центре внимания ученых оказалось изучение истории рабочего класса и крестьянства. Б.Г. Кубалов решил тщательно проследить взаимоотношения декабристов с крестьянством Сибири, что в контексте декабристоведения позволило полнее раскрыть социально-классовый облик «первенцев свободы», а также попутно восстановить отдельные моменты сельскохозяйственных занятий декабристов в Восточной Сибири. Анализируя социальную среду, в которую попали ссыльные декабристы, Б.Г. Кубалов убедительно доказывает, что они не оказались в изоляции, а, напротив, совершенно целенаправленно установили полезные связи с сибирским крестьянством, более выгодные именно народу: «...Декабристы не жили замкнутым миром, не чурались сибирского крестьянина, но умело подошли к нему <...> со стороны его жизненных интересов»¹¹. Эти социальные связи с крестьянством, по мнению ученого, помогли декабристам лучше освоиться и в сельскохозяйственной деятельности.

Б.Г. Кубалов описывает процесс наделения декабристов землей в Сибири, не всегда проходивший гладко – как известно, в 1835 г. правительство приказало выделить декабристам, обращаемым на поселение, по 15 десятин пахотной земли с целью обеспечения пропитания; с разрешения властей такой надел мог быть увеличен, как, например, это было позволено сделать С.Г. Волконскому и братьям Беляевым. Многие декабристы (С.П. Трубецкой, Ф.Ф. Вадковский) возвращали наделы сельскому обществу, что вызывало положительную реакцию крестьян, но кое-где, хотя и редко, наделение ссыльных землей сопровождалось протестами и тяжбами со стороны прежде всего зажиточных крестьян («мироедов»). В связи с последним обстоятельством Б.Г. Кубалов констатирует социально-классовый конфликт, противопоставляя декабристов сельской буржуазии и ставя их на одну ступень с беднотой и середняками¹². В целом Б.Г. Кубалов подчеркивает важную роль декабристов в сельскохозяйственном освоении Восточной Сибири и близость их в этом процессе к народу, что было вполне осознано и самим крестьянством, когда ссыльные дворяне «вместе с народом-пахарем поднимали новь в суровом краю, делили с новоселом его редкие радости и зачастую мыкали с ним горе неудач и разочарований, щедро преподносившихся ему капризной природой»¹³.

Б.Г. Кубалов создает весьма впечатляющую единую картину разносторонней и масштабной сельскохозяйственной деятельности декабристов в Восточной Сибири. К сожалению, далеко не все его тезисы и направления исследования (что, казалось бы, логически должно было произойти с накоплением научных знаний о декабристах) получили развитие в дальнейшей историографии вплоть до наших дней. Итак, по сведениям

⁹ Эпов А.Г. Декабристы в Забайкалье... С. 22.

¹⁰ Кубалов Б.Г. Крестьяне Восточной Сибири и декабристы // Сибирь и декабристы. Иркутск, 1925. С. 15–40.

¹¹ Там же. С. 18.

¹² Там же. С. 19–21.

¹³ Там же. С. 21.

Б.Г. Кубалова, более или менее успешно, делая ставку на производство и сбыт продукции, хлебопашеством в Сибири занимались следующие декабристы:

братья Беляевы (Минусинск, вели самое успешное и прибыльное, обширное по площади аграрное хозяйство из всех декабристов в Сибири в тесном экономическом партнерстве с местными крестьянами, ввели в крае посев гречи и гималайского ячменя);

В.А. Бечаснов (с. Смоленщина в Иркутской губернии, где имел два надела земли);

А.И. Вегелин (Сретенск, «создал образцовое хозяйство, от которого многое позаимствовали крестьяне»);

С.Г. Волконский (с. Усть-Куда в Иркутской губернии, в 1840 г. расчистил 55 «пустолежащих десятин» под пашню с правом использования на 40 лет, «с большим рвением» занимался агрономией);

М.К. Кюхельбекер (Баргузин, «употреблял все присылаемые ему от родных деньги на устройство хозяйства и хлебопашества», расчистил и обработал 26 десятин);

братья Крюковы (Минусинск);

П.А. Муханов (Братский острог);

Е.П. Оболенский (Турунтаевская слобода в Иркутской губернии, в первый год поселения поднял пять десятин тридцатилетней залежи под рожь);

М.М. Спиридов (с. Дрокино под Красноярском, обработка надела «брошенной земли» и успешный сбор урожая с применением усовершенствованных сельскохозяйственных орудий);

И.Ф. Шимков (Батуриная слобода в Иркутской губернии, имел три обширных участка разработанной им самим пашни)¹⁴.

Как видим, они не боялись ни трудностей, ни тяжелой работы, с энтузиазмом берясь за хлебопашество и производство сельскохозяйственной продукции.

Особо подчеркивает Б.Г. Кубалов вклад отдельных декабристов в механизацию и усовершенствование сельского хозяйства:

А.Н. Андреев (Олёкминск, постройка мукомольной мельницы);

В.А. Бечаснов (с. Смоленщина, устройство маслобойки для производства конопляного масла);

К.П. Торсон (Селенгинск, создание мастерской для изготовления земледельческих орудий, устройство молотильной машины);

М.М. Спиридов (с. Дрокино, усовершенствование земледельческих орудий, используемых в Енисейской губернии, и создание новых для более эффективной обработки пашни)¹⁵.

Избирая занятия при адаптации на поселении, декабристам проще всего было сконцентрировать силы на подсобном хозяйстве – огородничестве и садоводстве, тем более что оно давало средства к существованию. Б.Г. Кубалов отмечает, что, еще находясь в заключении в Чите и Петровском Заводе, ведя общее артельное хозяйство, декабристы достигли впечатляющих успехов в выращивании овощей, и этот опыт с выходом узников на поселение буквально преобразил Восточную Сибирь. До приезда декабристов, пишет Б.Г. Кубалов, по свидетельству местных крестьян, в регионе вообще не было традиции разведения больших огородов и возделывания отдельных овощных культур, также именно декабристы первыми познакомили крестьян Восточной Сибири с парниками¹⁶. Упоминает Б.Г. Кубалов и о попытке М.К. Кюхельбекера и П.А. Беляева заняться промышленным животноводством и поступить на службу в компанию по разведению мериносов в с. Бурети Иркутского округа и в Минусинске как лицам, имеющим сведения об овцеводстве, но эта инициатива по политическим соображениям не была поддержана генерал-губернатором Восточной Сибири А.С. Лавинским, опасавшимся послабления полицейского надзора над ссыльными декабри-

¹⁴ Кубалов Б.Г. Крестьяне Восточной Сибири и декабристы... С. 22–24.

¹⁵ Там же. С. 24–25.

¹⁶ Там же. С. 25.

стами ввиду новых хозяйственных занятий, требующих неизбежного расширения круга общественных связей¹⁷.

Итак, в статье Б.Г. Кубалова представлено первое подробное описание сельскохозяйственной деятельности декабристов в Восточной Сибири с параллельной тщательной проработкой социального аспекта проблемы – многосторонних связей декабристов с местным крестьянством, исследованием позиционирования дворян-декабристов в народной среде вплоть до экономического и культурного включения декабристов в жизнь крестьянского общества. Оценивая вклад декабристов в развитие сельскохозяйственной отрасли Восточной Сибири, Б.Г. Кубалов резюмирует: «Как хозяйственники, декабристы не только поднимали новь, улучшали земледельческую культуру, <...> не только способствовали поднятию крестьянского хозяйства и усилению продуктивности крестьянского труда, но давали в этом направлении прекрасные мысли и местной власти»¹⁸. Вместе с тем в работе Б.Г. Кубалова остались без освещения некоторые сюжеты, которые позже станут весьма популярными в историографии: речь идет, к примеру, о сельскохозяйственных занятиях братьев Бестужевых – тема о Минусинской колонии только намечена автором. Как и сама статья Б.Г. Кубалова, так и собранные им факты и источники о сельскохозяйственной деятельности декабристов в Сибири сохраняют научную ценность и сегодня.

Исследование сельскохозяйственной деятельности декабристов в Сибири было продолжено Б.Г. Кубаловым на страницах московского юбилейного сборника «Декабристы на каторге и в ссылке», изданного Комиссией Всесоюзного общества политкаторжан по празднованию столетнего юбилея восстания декабристов. Его статья «Члены “Тайного общества военных друзей” на каторге и поселении», в которой он расширяет материал и сведения, приведенные в разобранным выше исследовании «Крестьяне Восточной Сибири и декабристы», занимает, бесспорно, центральное место в сборнике в плане характеристики сельскохозяйственной деятельности декабристов. В частности, Б.Г. Кубалов опять упоминает об «образцовом хозяйстве» А.И. Вегелина в Сретенске, но особый интерес представляют данные о хозяйстве М.И. Рукевича, не вошедшие в иркутскую статью. Возникает невольный вопрос – по какой причине это произошло? Обе статьи (московская и иркутская) вышли из печати практически одновременно, и трудно предположить, что Б.Г. Кубалов не успел собрать материал о Рукевиче, чтобы хотя бы кратко не упомянуть его в работе о крестьянах и декабристах. На наш взгляд, причина в том, что М.И. Рукевич «не вписался» в созданную самим же Б.Г. Кубаловым новую классовую концепцию о взаимоотношениях декабристов и крестьянства, так как являлся типичным сельскохозяйственным предпринимателем буржуазно-помещичьего образца, находившимся в антагонистических отношениях с народом, и ученый решил преподнести его образ отдельно.

Итак, М.И. Рукевич, поселенный в д. Коркино Иркутской губернии, практически сразу же после недолгого периода адаптации начинает заниматься сельским хозяйством, чему способствовали его «подвижность и предприимчивость». Помимо этого, М.И. Рукевич занимался торговлей, отпускал крестьянам товары в кредит и считался в Коркино зажиточным поселенцем. Кроме хлебных угодий, Рукевичу принадлежало стадо свиней и до 30 голов крупного рогатого скота, его хозяйство «было поставлено на сравнительно широкую ногу»¹⁹. Отношения декабриста с местными крестьянами были сложными – сам М.И. Рукевич считал, что отголоски недоброжелательства отразились в доносе на него по поводу связи с политическими ссыльными и подготовке бунта. «Негодование крестьян» возникло после выделения правительством М.И. Рукевичу, как и другим ссыльным декабристам, 15 десятин пахотной земли, когда начались его «усердные занятия» хлебопашеством, а параллельно и официальная мелочная торговля (на деле совсем не мелочная – хлебом, пушниной, китайскими тканями), приносившая до 2 тыс. руб. дохода в год. Недоброжелатели, как считал сам

¹⁷ Кубалов Б.Г. Крестьяне Восточной Сибири и декабристы... С. 26.

¹⁸ Там же. С. 22.

¹⁹ Кубалов Б.Г. Члены «Тайного общества военных друзей» на каторге и поселении // Декабристы на каторге и в ссылке: 1825–1925. Чита, 1925. С. 296, 303.

М.И. Рукевич, хотели разорить его, отнять хозяйство, которым он жил, в том числе и «хлебопашотные заведения». На деле все обстояло несколько иначе.

В числе врагов М.И. Рукевича Б.Г. Кубалов видит не только «местных богатеев и купцов», но и тех, с кем у декабриста теоретически должна была бы быть социальная солидарность и близость. Впрочем, это положение историк считает исключением из правила. Б.Г. Кубалов говорит о наличии конфликта М.И. Рукевича и крестьян, и «обоюдное недовольство должно было так или иначе разрешиться»²⁰. Несколько лет «кто-то продолжал осведомлять» (ясно, что информация поступала от крестьян) генерал-губернатора Восточной Сибири В.Я. Руперта, который до определенного момента даже покровительствовал Рукевичу, о том, что «коркинский поселенец» притесняет народ, самовольно захватывает их земли, не вознаграждает за наемный труд и др. В 1840 г. было проведено расследование, в результате которого выяснилось, что М.И. Рукевич отнимал у крестьян покосы, выпускал скот на еще не убранные поля, возводил самовольные постройки и негласно занимался корчемством. Крестьяне сделали предельно точное официальное заявление, что «для блага народа» было бы лучше его переселить в другое место, чем будет сделано «величайшее одолжение обществу»²¹.

Так почему же сельскохозяйственные занятия М.И. Рукевича сделали его лютым врагом местного крестьянства, тогда как в случае других декабристов позволяли им наоборот вливаться в местные общины, становиться в один ряд с сибирскими хозяевами? Б.Г. Кубалов дает на этот вопрос прямой и все объясняющий ответ. Если другие декабристы становились либо хозяевами-крестьянами, либо буржуазными аграрными предпринимателями с прогрессивными социальными воззрениями, что сближало их с местным крестьянством, то М.И. Рукевич избрал иной путь, принес в Сибирь реалии крепостнического феодализма, что вызвало настоящий антифеодальный протест в сибирской деревне. Выяснилось, к тому же, что он часто заставлял крестьян работать на него совершенно бесплатно (за проценты по долгу), используя традиционный механизм крепостнической отработки, а также за долги бесплатно забирая у них землю под хлеб. Б.Г. Кубалов пишет: «Нам думается, что корень недовольства крестьян бывшим помещиком кроется в тех приемах ведения хозяйства, которые усвоены были Рукевичем на родине и прямолинейно проводились им в приленской глуши. На первом плане ставилась эксплуатация крестьянского труда, рабочей силы»²². После расследования конфликт только углублялся, росло недовольство крестьян местным «помещиком», жалобы не прекращались вплоть до смерти М.И. Рукевича, последовавшей 30 августа 1841 г. Эта история показала – в Сибири невозможно было вести хозяйство, используя крепостнические порядки, и единственный из декабристов, пренебрегший этим правилом и не перешедший к новой модели хозяйствования на основе буржуазных отношений и уважения к социальным интересам крестьянства, был обречен на непримиримый классовый конфликт, в основе которого лежали предпочтение личных интересов общественным, стремление к хищнической эксплуатации крестьян на основе долговых отношений, нежелание считаться на хозяйственной ниве с сельским обществом, позиционирование себя как крепостника-помещика.

Изучение сельскохозяйственной деятельности декабристов в Минусинском округе В.А. Ватиным-Быстрянским. В юбилейный ежегодник Мартыановского музея вошла комплексная статья В.А. Ватина-Быстрянского о политической ссылке в Минусинске декабристов и польских повстанцев. Описывая жизнь декабристов, поселенных в славящемся своим благодатным климатом городке и его окрестностях, автор сразу же волевыми акцентирует внимание читателя на неизбежном занятии ссыльнопоселенцев сельским хозяйством и огородничеством. Бывший обер-прокурор Сената декабрист *С.Г. Краснокутский* первым оценил условия жизни в Минусинске, где оказался осенью 1827 г., построил дом, «завел большой огород, запасся скотом и всеми потребностями жизни» и стал зани-

²⁰ Кубалов Б.Г. Члены «Тайного общества военных друзей»... С. 301.

²¹ Там же. С. 304.

²² Там же.

маться «разведением табачной рассады и вишневых деревьев». С.Г. Краснокутский получал в посылках «лучшие огородные семена», но не только для себя – он «снабжал» «ими городских и деревенских жителей»²³. В 1829 г. в Минусинск прибыл С.И. Кривцов и поселился в доме Краснокутского, активно помогая ему в разросшемся приусадебном хозяйстве, включавшем сад, огород, разведение домашней птицы (кур, гусей, индеек)²⁴. С.Г. Краснокутский и С.И. Кривцов были достаточно обеспеченными декабристами, но тем не менее крупное приусадебное хозяйство позволяло им получать собственные продукты для пропитания и не зависеть от рынка – это и домашние заготовки, и даже наливки²⁵.

В иной ситуации оказались *братья Беляевы*, которых водворили в Минусинске уже после отъезда из города самых первых поселенцев-декабристов. Для них как «неимущих декабристов» сельскохозяйственное предпринимательство стало источником существования и материального благополучия, которого, как отметил в выше рассмотренной работе Б.Г. Кубалов, очень скоро они вполне достигли²⁶. В конце концов, Беляевы даже отказались от ежегодного пособия из казны в размере 200 руб. В.А. Ватин-Быстрянский первым из историков описывает передовое хозяйство братьев Беляевых, но сначала он весьма динамично представляет поиски предприимчивыми декабристами направления хозяйственной деятельности, показывая их трудолюбивыми и активными людьми. Сначала в Минусинске был поселен Петр Беляев (в 1832 г.), который сразу же занялся табаководством, организовав на пару с окружным начальником А.К. Кузьминым «товарищество на табачную плантацию». Табак «хорошо вырос» и на него был «большой спрос со стороны инородцев», но П.А. Беляев оставил это дело и уже вместе с прибывшим в 1833 г. в Минусинск братом Александром переключился на рыбный промысел, используя наемный труд. Вскоре Беляевы увидели, «что из рыболовства им не извлечь никакой пользы», и полностью «обратились к сельскому хозяйству»²⁷.

Беляевы купили дом, лошадей, бороны, взяли в аренду «за бесценок» 60–70 десятин отличного чернозема в 20 верстах от Минусинска – пашня располагалась на возвышенном месте. Вскоре земледелие стало их постоянным занятием. Себя они считали «в полном смысле фермерами» и использовали в хозяйстве исключительно наемный труд, сами сконструировали и собрали молотильную машину для обработки урожая и через несколько лет «сделались поставщиками на золотые прииски» муки, крупы, а также вскоре и говядины²⁸. Ощутимая польза для обеспечения продовольственной безопасности края, снабжения продуктами важных для государства золотодобывающих предприятий вызвала живой отклик в III Отделении, куда Беляевы обратились с просьбой о расширении хозяйства (о дозволении брать в новую аренду казенные земли и делать хозяйственные постройки). На труды декабристов обратил особое внимание император, который высказал исключительное распоряжение, столь не типичное по отношению к иным «государственным преступникам», которым мало что позволялось, а именно «не стеснять Беляевых в их хозяйственной деятельности», хотя ранее братьям было отказано в разрешении служить по найму на золотых приисках и в овчарне. После высочайшего разрешения Беляевы арендовали еще несколько сотен десятин пашни и сенокосов, а также целый остров-заимку, отделенный от Минусинска протокой Енисея, где создали животноводческую ферму, – отсюда и поставки говядины. поголовье стада Беляевых составляло 200 коров, из них 20 были дойными и часть молока использовалась для производства масла, шедшего на продажу²⁹.

²³ Ватин-Быстрянский В.А. Политическая ссылка в Минусинске (Декабристы. Польские повстанцы) // Декабристы в Минусинском округе. К 100-летию юбилею восстания декабристов. Ежегодник Государственного музея им. Н.М. Мартыанова. Минусинск, 1925. Т. III, вып. II. С. 1–34.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. С. 6.

²⁶ Кубалов Б.Г. Крестьяне Восточной Сибири и декабристы... С. 23.

²⁷ Ватин-Быстрянский В.А. Политическая ссылка в Минусинске... С. 10.

²⁸ Там же. С. 10–11.

²⁹ Там же. С. 11–12.

В 1840 г. братья Беляевы, дела которых «шли довольно хорошо», были переведены рядовыми на Кавказ и 13 марта того же года покинули Минусинск. О судьбе их хозяйства В.А. Ватин-Быстрянский сообщает только то, что оно было передано декабристу *Н.О. Мозга-левскому* и его семье. Также в работе есть очень краткие сведения, что сельскохозяйственной деятельностью занимались поселенные в Минусинске *братья Н.А. и А.А. Крюковы*, имевшие, помимо приусадебного, полевое хозяйство, а также водворенные в с. Шушенском *А.Ф. Фролов* (хлебопашество, разведение лошадей, устройство мельницы и обширного огорода, «хлебные и огородные семена он выписывал из России и старался распространять их среди местных крестьян, которым вообще помогал чем только мог») и *П.И. Фаленберг*, державший табачную плантацию с урожаем порядка 40 пудов в год и производивший сигары³⁰.

В.А. Ватину-Быстрянскому удалось передать впечатляющий масштаб сельскохозяйственной деятельности братьев Беляевых в Сибири, хотя оценок он ей не дает, ограничиваясь изложением фактов и описаниями. Лишь в одном месте он делает интересное замечание о «культуртрегерской работе декабристов» Беляевых в аграрной области – именно они первыми ввели в Минусинске посев гречихи. Также В.А. Ватин-Быстрянский признает, что и «некоторые другие декабристы проложили путь новым формам сельскохозяйственной деятельности» – *В.А. Бечаснов*, который первым в Восточной Сибири «занимался возделыванием конопли и добился блестящих результатов», «устроил маслобойку и Сибирь впервые увидела свое местное масло, не привозное из Ирбита»; в с. Олонки *В.Ф. Раевский* вырастил арбузы и «тем положил начало бахчеводству в Иркутской губернии». Примечательно и другое обстоятельство, которое особо отмечает В.А. Ватин-Быстрянский, рассказывая о братьях Беляевых, – сельскохозяйственную деятельность они успешно совмещали с просветительской, организовав в своем доме школу³¹. Современный исследователь обязательно должен видеть тесную связь между этими двумя формами деятельности декабристов на поселении – обе они направлены на улучшение государства и общества, его социальных и экономических институтов, соответственно в комплексе могут рассматриваться как продолжение движения декабристов после восстания. В целом же В.А. Ватин-Быстрянский не находил ничего исключительного в сельскохозяйственных занятиях минусинских ссыльных: «Как мы видели, поселенные в Минусинске декабристы занялись сельским хозяйством, как и большинство живших в Восточной Сибири декабристов». Далее он упоминает о «деятельных сельских хозяевах» *братьях Бестужевых* (Селенгинск) и занятиях земледелием в «крупном масштабе» *А.Е. Розена* в Западной Сибири (Курган)³².

Основным источником для В.А. Ватина-Быстрянского послужили воспоминания *А.П. Беляева* – для дальнейшей разработки темы, конечно же, источниковую базу необходимо было расширить, и во второй части статьи он попытался опереться на документы делопроизводства, дополнив ими «литературные данные». Опыт стал успешным и показал, что для дальнейшего раскрытия темы о сельскохозяйственной деятельности декабристов в Сибири необходимо шире привлекать делопроизводственные материалы учреждений. Это остается актуальным и в наши дни. В распоряжении В.А. Ватина-Быстрянского оказались дела Минусинского словесного суда, выполнявшего в городе «функции городского управления». Благодаря этим данным фактический ряд о сельскохозяйственной деятельности декабристов удалось существенно расширить и уточнить. Но, конечно же, новые сведения прочнее вошли бы в историографию, если бы автор вписал их в основной контекст исследования. Эта часть статьи (под номером III, по форме вспомогательный и второй по значению блок исследования) часто ускользает от внимания читателей в силу специфического характера подачи информации. Между тем здесь присутствуют важные сведения, необходимые при критике источников личного происхождения, на которые опирается автор в основной части работы.

³⁰ Ватин-Быстрянский В.А. Политическая ссылка в Минусинске... С. 13–15.

³¹ Там же. С. 10, 16.

³² Там же. С. 16.

Итак, рассматривая архивные материалы, связанные с административным контролем и организацией сельскохозяйственных занятий декабристов, активно и обстоятельно цитируя документы, В.П. Ватин-Быстрянский сообщает следующее. Братья Беляевы еще до официального разрешения 1835 г. о наделении декабристов землей получили удобные «к хлебопашеству и сенокосению» места «по близости города» (июнь 1833 г., речь в документе шла об одном из братьев без конкретизации имени), а еще ровно через год Александр Беляев получил дополнительное «сенокосное место». В 1836 г. Беляевым уже по общему распоряжению обо всех «государственных преступниках» было отведено еще по 15 десятин пашни каждому, в 1838 г. еще 20 десятин и 1970 квадратных сажен³³. Таким образом, делопроизводительные источники дают дополнительные сведения о размере хозяйства и назначении земельных наделов Беляевых. Также В.А. Ватину-Быстрянскому за счет документов словесного суда удалось «пополнить и исправить» «некоторые неточности», содержащиеся в мемуарах А.П. Беляева, касающиеся устройства братьями мельницы, последующей аварии на ней, реконструкции и ремонта, стоивших хозяевам достаточно дорого. В частности, он сообщает, что по предписанию окружного начальника А.К. Кузьмина «повреждения от прорыва плотины на принадлежавшей декабристам мельнице были отнесены на счет городских расходов»³⁴, что может свидетельствовать о покровительстве местных властей сельскохозяйственному предпринимательству Беляевых, от которого зависели поставки продовольствия на золотые прииски.

В комплексе дел, обработанных В.А. Ватиным-Быстрянским, есть дополнительные сведения для характеристики сельскохозяйственной деятельности и других декабристов, упомянутых в основной части работы. В частности, можно почерпнуть новую информацию о масштабах хозяйства братьев Крюковых, о которых сказано очень мало. В 1841 г. они арендовали покос на о. Савинке близ Минусинска, а в 1843 г. добивались дополнительной аренды пустопорожных земель близ города, в 1849 г. закупили 300 копен сена у минусинских мещан – все эти факты свидетельствуют о стабильности и расширении их хозяйства на протяжении многих лет. В 1848 г. Енисейское губернское правление произвело расследование, в ходе которого выяснилось, что, помимо обязательных 15 десятин земли, выделенных каждому из ссыльных Беляевых и Крюковых, они заняли только «хлебопашеством более 100 десятин» казенных земель³⁵.

Без указания даты В.А. Ватин-Быстрянский приводит документ (контракт) о доставке минусинскими купцами П.И. Поповым и К.Ф. Широковым «ржаного молотого хлеба» в количестве 3 000 пудов, «собственного их» Крюковых и Н.О. Мозгалевского, в Енисейск для купца В.Д. Дементьева. При заключении контракта декабристы получили 1 000 руб., остальные деньги должны были быть выплачены после завершения сделки³⁶. Также в III части статьи есть данные об отведении в 1836 г. 15 десятин сенокосной земли *И.В. Кирееву*, что может говорить и о его попытках заняться сельским хозяйством; сведения о спорах Н.О. Мозгалевского с местными мещанами, противившимися выделению для декабриста сенокосных угодий и разорявших его покосы³⁷.

Подводя итог своему исследованию, В.А. Ватин-Быстрянский приходит к выводу, что деятельность декабристов «в сфере сельского хозяйства прокладывала путь распространению среди жителей рациональных приемов земледелия», что было частью «крупного культурного дела», включавшего и другие сферы, особенно просвещение и образование. В целом В.А. Ватин-Быстрянский смотрит на политическую ссылку, в том числе и декабристскую, как на один «из крупнейших факторов культурного развития Сибири», методологически присоединяясь к традиции досоветской школы, но усиливая акценты. В частности, он развивает точку зрения С.В. Максимова, которого щедро цитирует³⁸. Еще ранее в своей

³³ Ватин-Быстрянский В.А. Политическая ссылка в Минусинске... С. 16–17, 19, 23.

³⁴ Там же. С. 21.

³⁵ Там же. С. 25.

³⁶ Там же. С. 24–26.

³⁷ Там же. С. 20–22.

³⁸ Там же. С. 31–32.

статье он опирается на концепции и труды В.И. Семевского, П.Е. Щеголева, П.М. Головачева, А.И. Дмитриева-Мамонова. Как историк, В.А. Ватин-Быстрянский пока более тяготеет к дореволюционной историографии, чего уже совершенно нельзя сказать, например, об учениках молодой иркутской школы (Б.Г. Кубалове, Ф.А. Кудрявцеве, М.К. Азадовском и др.).

Сельскохозяйственная деятельность декабристов в биографических исследованиях. Авторы юбилейных изданий активно касаются темы о сельскохозяйственных занятиях декабристов в Сибири в контексте биографических исследований и статей-публикаций, показывая ее важность в свете отдельных биографий. Стоит подчеркнуть и то, что приведенные сто лет назад фактические сведения со временем растворились в потоке историографии и сегодня стоит повнимательнее приглядеться к этим работам. Например, в 1985 г. вышел библиографический указатель «Декабристы и Сибирь», где в разделе «Материалы об отдельных декабристах» вообще отсутствуют указания на биографические статьи А.П. Косованова о П.И. Фаленберге, А.Ф. Фролове и др.³⁹

Так происходило еще и потому, что сначала (в довоенный период) возникла относительная иллюзия изученности биографий отдельных декабристов, потом, как уже было сказано выше, отрицательную роль сыграла концепция В.Н. Соколова, и многие исследователи, работая в биографическом жанре, предпочитали освещать сельскохозяйственную деятельность декабристов в Сибири вскользь как не вписывающуюся в образ дворянского революционера. К ней относились, с одной стороны, как к незначительному и второстепенному занятию на поселении, а с другой – как к занятию даже вредному с идейной точки зрения, возникшему в числе других экономических интересов в ссылке на почве «буржуазно-капиталистического отношения к вещам»⁴⁰. Тема становилась сначала неудобной, потом вспомогательной, и вот «сельскохозяйственные сюжеты» просто-напросто частично или полностью исчезают из биографий декабристов. Но нельзя же забывать о том, что, к примеру, даже поэты-декабристы А.И. Одоевский и В.К. Кюхельбекер много сделали для развития аграрной сферы Сибири, где каждый из них вел передовое хозяйство, способствуя сельскохозяйственному освоению края. Сегодня вновь необходимо ввести в научный оборот историографический опыт биографики 1920-х годов, где проводится идея, что декабристы целенаправленно развивали Сибирь в плане аграрной экономики, выполняя в этом отношении свою культуртрегерскую миссию. Они и здесь были просветителями: возделывали новые культуры, делились агротехническими знаниями с крестьянами, усовершенствовали сельскохозяйственное производство. Вот почему важно углубиться в историографию середины 1920-х годов, посмотреть, на сельскохозяйственную деятельность каких декабристов было обращено особое внимание, какие вопросы ставились именно в биографическом поле исследований.

В.А. Гонцова-Берникова рассказывает о сельскохозяйственном проекте Ф.П. Шаховского⁴¹, при этом относя его к разряду «культурных работ». До ареста кн. Ф.П. Шаховской проживал в имении Нижегородской губернии и успешно вел помещичье хозяйство, соответственно, был полностью готов именно к сельскохозяйственной деятельности и на поселении. Автор представляет проект Шаховского как средство, направленное на развитие и улучшение Сибири: «24-го января 1827 года Шаховской переведен в Енисейск. Здесь его спросили, что может он устроить на пользу нового края. Шаховской отвечал, что “не отчаивается заведением хлебопашества по новой системе севооборотов и травосеяния подать полезные примеры жителям, <...> сделать пособие поселянам как для облегчения их работ, так и для сохранения их достояний через введение различных экономических строений и орудий, <...> завести вайду и даже свекловичные плантации; <...> предположение его состояло в том, чтобы завести особенный хутор для практических опытов разных заведений сих”»⁴². В планах Ф.П. Шаховского было создание образцового хозяйства «для практических

³⁹ Декабристы и Сибирь. Библиографический указатель. Иркутск, 1985. С. 87–106.

⁴⁰ Соколов В.Н. Декабристы в Сибири... С. 135.

⁴¹ Гонцова-Берникова В.А. Из жизни декабристов на каторге и в ссылке в 1827 году // Декабристы на каторге и в ссылке: 1825–1925. М., 1925. С. 66, 70.

⁴² Там же. С. 66.

опытов» на 50 десятинах земли, которые он надеялся получить от правительства, завести строения, машины, использовать «лучшие семена», а «для распространения образования в хлебопашестве употреблять на хуторе несколько поселян»⁴³. В.А. Гонцова-Берникова недаром особо выделяет этот проект и представляет его в своей статье как просветительский. Здесь налицо концепция автора, согласно которой сельскохозяйственная деятельность (пусть в данном случае пока еще планы) декабристов в Сибири трактуется в русле общественной пользы, направленной на культурно-экономическое освоение края. Автор подчеркивает целенаправленность проекта Шаховского, сознательно поставленные им самим просветительские цели. Это очень важный шаг на пути формирования будущей концепции советской историографии о продолжении декабризма как движения после восстания.

П.Н. Сакулин в документальной публикации «А.И. Одоевский в неизданных письмах» также не смог обойти вниманием вопрос о сельскохозяйственной деятельности в ссылке поэта-декабриста, тем более что в ряде введенных в научный оборот его писем (из с. Елань Иркутской губернии) об этом подробно говорится. Исследователь сообщает, что сибирский «рачительный помещик» А.И. Одоевский возделывал в общей сложности 18 десятин земли, сеял хлеб, содержал огород, сам осуществлял надзор за сельскохозяйственными работами⁴⁴.

В статье о сибирском периоде жизни П.А. Муханова П.Н. Попов пишет, что декабрист занимался хлебопашеством на поселении в Братском остроге с 1834 по 1841 г., обрабатывая 17 десятин земли, но его сельскохозяйственные опыты были неудачны и убыточны прежде всего из-за неблагоприятного климата и плохой почвы, дороговизны наемной рабочей силы и низких цен на хлеб. Тем не менее, как указывает автор, П.А. Муханов даже пытался механизировать свое хозяйство путем устройства «лошадиной мукомольни» и веялки (ее чертежи он просил прислать своих близких из России)⁴⁵.

В биографических статьях А.П. Косованова подробно освещается сельскохозяйственная деятельность отдельных декабристов в Минусинском округе. Первая из них «Годы изгнания декабристов Фаленберга и Фролова» имеет подзаголовок «По новым данным архива Мартыановского музея», что сразу же вызывает интерес читателя на предмет дополнительных источников о минусинских декабристах. А.П. Косованов берет в разработку делопроизводственные материалы, в частности переписку минусинского окружного начальника с шушенским волостным правлением за достаточно длительный отрезок времени с 1834 по 1856 г., т.е. с момента водворения декабристов на поселении вплоть до амнистии. О сельскохозяйственной деятельности в Шушенском П.И. Фаленберга и А.Ф. Фролова автор сообщает очень ценные фактические данные, которые следует обязательно учитывать и в современных работах о декабристах в Восточной Сибири. Краевед А.П. Косованов дополняет официальные документы дополнительными сведениями, полученными, как видно, в результате полевых исследований, которые, пусть без упоминания источника, на наш взгляд заслуживают полного доверия. На этой базе автор даже выступает с критикой делопроизводственных материалов, создавая объективную картину сельскохозяйственной деятельности декабристов в Шушенском.

А.П. Косованов отмечает, что с момента поселения в Шушенском П.И. Фаленберг, практически не имевший средств к существованию, стал искать возможности для занятия именно сельским хозяйством, ради чего выписывал огородные семена (их присылала ему также сестра Вера Фаленберг из Воронежа). Хозяйственные заботы полностью захватили декабриста в 1835 г., когда было получено официальное известие о возможности наделения ссыльных 15 десятинами земли. П.И. Фаленберг начинает хлопотать об устройстве дома с усадьбой, на что ему дали десятину «внутри селения»⁴⁶. Судя по всему, уже в 1836 г. он разводит большой огород, для чего весной того же года выезжает в с. Кавказское

⁴³ Гонцова-Берникова В.А. Из жизни декабристов на каторге и в ссылке... С. 66.

⁴⁴ Сакулин П.Н. А.И. Одоевский в неизданных письмах // Декабристы на каторге и в ссылке: 1825–1925. М., 1925. С. 130, 131, 191, 192, 195.

⁴⁵ Попов П.Н. П.А. Муханов в Сибири // Декабристы на каторге и в ссылке: 1825–1925. М., 1925. С. 218, 219, 227, 228.

⁴⁶ Косованов А.П. Годы изгнания декабристов Фаленберга и Фролова. (По новым данным архива Мартыановского музея) // Декабристы в Минусинском округе... С. 39–40, 42, 45–46.

Шушенской волости за семенами. Пашни в свое пользование по разным причинам декабрист так и не получил, но ему было отведено 4 десятины сенокосов. А.П. Косованов отмечает: «Не имея достаточно сил и средств, Фаленберг не хотел заниматься посевом хлеба, а имел огород и покос»⁴⁷. Постепенно декабрист перешел к выращиванию табака с применением наемного труда, и его «табаководство» приняло широкие размеры – «приготавливался сигарный табак, на плантации его работало летом много шушенских жителей, в особенности детей, женщин и стариков». По мнению исследователя, это производство не достигало «фабричных рамок», но доход хозяину давало вполне «приличный»⁴⁸. В 1845 г. табаководство П.И. Фаленберга процветало – по донесению Минусинского земского суда енисейскому гражданскому губернатору, в Минусинском округе декабрист был единственным сельскохозяйственным предпринимателем, который занимался торговлей табаком «собственного производства». В этом же документе подробно описано его хозяйство, что представляет значительный интерес для характеристики аграрно-предпринимательской деятельности декабристов в Сибири⁴⁹.

Поселенный в с. Шушенском с 1835 г. А.Ф. Фролов сразу же не видел для себя иного занятия в ссылке, кроме сельского хозяйства, что особо подчеркивает А.П. Косованов: «Не успел оглянуться Фролов на новом месте, как вся его энергия направляется в сторону развития сельского хозяйства»⁵⁰. Автор сообщает, что имевший богатый опыт огородничества в Петровском Заводе (вплоть до выращивания дынь и арбузов), в Шушенском декабрист к началу полевых работ 1837 г. закупает лошадей для хозяйственных нужд, а в конце 1836 г., помимо «47 пачек различных семян», получает по почте 8 книг по ведению сельского хозяйства и еще 6 книг «экономического и технического характера»⁵¹. Как видим, А.Ф. Фролов демонстрирует научный подход к ведению хозяйства и стремление к повышению агротехнических знаний. После наделения шушенских декабристов положенными 15 десятинами, А.Ф. Фролов занимался «возделыванием своей части земли» и даже получал «из оной посредством доход»⁵². Уже в 1840 г., пишет А.П. Косованов, «Фролов ведет хозяйство как заправский крестьянин, помимо полевой культуры развивая подсобные промыслы», возделав 4 десятины и сняв 70 пудов зерна, которые использовал для собственного потребления⁵³. К лету 1842 г., помимо хлебопашества, по примеру Фаленберга Фролов заводит собственную табачную плантацию. Подводя итоги сельскохозяйственной деятельности А.Ф. Фролова, А.П. Косованов делает следующий вывод, объясняя причины того, что декабристу не удалось в полной мере развить свое дело, «хотя и считался он в с. Шушенском первым землеробом среди крестьян»: «Что касается Фролова, то, конечно, сельское хозяйство ему не приносило особенных доходов, так как земли крестьяне отвели ему самые невыгодные, на болоте да на солончаках, сам он был одинок, на руках его от каторжной тачки были мозоли и следы от кровоизлияния, и ему этот труд был не под силу»⁵⁴.

Вторая статья А.П. Косованова «Новые страницы из жизни минусинских декабристов» написана на материалах архивных собраний Минусинска и Красноярска, а также воспоминаний родственников декабристов (в частности П.М. Сайлотовой, невестки Н.А. Крюкова) и рассказов старожилов⁵⁵. В статье рассказывается о братьях Крюковых, И.В. Кирееве, А.И. Тютчеве, Н.О. Мозгалевском. Упоминания о сельскохозяйственной деятельности декабристов кратки и подтверждают информацию из работы В.А. Ватина-Быстрянского⁵⁶ с некоторыми дополнениями. Так, о Н.А. Крюкове автор сообщает, что сельский труд был

⁴⁷ Косованов А.П. Годы изгнания декабристов Фаленберга и Фролова... С. 46.

⁴⁸ Там же. С. 61.

⁴⁹ Там же. С. 62.

⁵⁰ Там же. С. 49.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же. С. 51.

⁵³ Там же. С. 55, 57.

⁵⁴ Там же. С. 61.

⁵⁵ Косованов А.П. Новые страницы из жизни минусинских декабристов // Декабристы в Минусинском округе... С. 67–84.

⁵⁶ Ватин-Быстрянский В.А. Политическая ссылка в Минусинске... С. 1–34.

обязательной частью его «здорового образа жизни» в ссылке, лето он проводил вместе с работниками на заимке и всегда принимал «личное участие в сенокосении и уборке хлеба»⁵⁷. Из фактов, приведенных А.П. Косовановым, можно заключить, что декабрист, используя в своем хозяйстве наемную силу, сам трудился наравне с работниками, неотлучно находился рядом с ними во время полевых работ, разделяя вполне их обязанности, что, безусловно, сближало его с народом. Говоря о Н.О. Мозгалевском, автор приводит краткие сведения о судьбе хозяйства братьев Беляевых после их перевода на Кавказ – сначала они продали Мозгалевскому «свою заимку со всем живым и мертвым инвентарем», а после смерти декабриста летом 1844 г. подарили его семейству все свое оставшееся имущество⁵⁸. Как хозяин Н.О. Мозгалевский был также демократичен – «сам пахал и сеял», семена злаковых и огородных культур выписывал из России и «всегда делился со старожилыми», которым также сообщал «некоторые агрономические сведения». Впервые в крае он начал высаживать арбузы и дыни, делать опытные посадки табака и других культур⁵⁹.

Статьи А.П. Косованова содержат много фактических сведений, точных фактологических описаний и живо рисуют жизнь декабристов на поселении, в том числе и сельскохозяйственную деятельность, которой в них отводится значительная роль. Вместе с тем в них не хватает концептуальности, нет выводов хотя бы о той же культуртрегерской деятельности декабристов, попыток вписать их сельскохозяйственную деятельность в дело культурного преобразования Сибири, как это делает тот же В.А. Ватин-Быстрянский. Не хватает, конечно же, нового классового подхода, чтобы дать социальную характеристику взаимоотношений декабристов и крестьянства. Тем не менее работы А.П. Косованова очень историчны, автор прекрасно справляется с презентацией и анализом различных источников, в том числе уникальных – собранных им лично воспоминаний родственников декабристов и рассказов старожилов. Поэтому сегодня его статьи, в свою очередь, становятся замечательным источником о жизни декабристов в Сибири и имеют непреходящую ценность.

В предисловии к изданию «Декабристы в Забайкалье» сказано, что «сборник показывает нам декабристов, как они были», и призван служить расширению биографических данных о «декабристах-массовиках», т.е. рядовых участников движения⁶⁰. В этом плане стоит особо выделить статью-публикацию В.П. Гирченко, вводящую в научный оборот не только важный материал для освещения сельскохозяйственных занятий декабристов – письмо А.В. Поджио к А.Ф. Фролову от 30 января 1837 г. с выражением уверенности, что аграрные опыты адресата на поселении в с. Шушенском будут успешными («успех будет несомненный»), и советами разводить арбузы и дыни, кукурузу и арнаутку (сорт яровой пшеницы), обещаниями доставить необходимые семена, – но и содержащую достаточно подробные сведения о сельскохозяйственной деятельности других декабристов⁶¹. В.П. Гирченко отмечает, что основная тема публикуемого письма – сельское хозяйство, в связи с чем дополняет источник некоторыми фактами. Являясь внуком декабриста В.А. Бечаснова, автор вполне мог опираться и на личные сведения, полученные им из семейной истории, что придает его публикации несомненную ценность. В.П. Гирченко пишет: «Вопросы агрономии вообще занимали многих из декабристов во время их пребывания в Петровскозаводском каземате. Огород, устроенный при тюрьме, служил опытным полем для их агрономических опытов»⁶². «Особенно основательно» теорию агрономии изучил К.П. Торсон, одними из «самых ревностных агрономов-практиков» были А.В. Поджио и А.Ф. Фролов, оба они на тюремном огороде Петровского Завода выращивали арбузы и дыни, а Поджио еще и спаржу, цветную капусту. Естественным было выраженное в опубликованном письме стремление снабдить выходящего на поселение Фролова отборными семенами, в том числе и сибирскими, культивированными в опытном огороде. В.П. Гирченко подтверждает

⁵⁷ Ватин-Быстрянский В.А. Политическая ссылка в Минусинске... С. 72.

⁵⁸ Там же. С. 82.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Грешенин Г.С. Предисловие... С. 7–8.

⁶¹ Гирченко В.П. Из неизданной переписки декабристов // Декабристы в Забайкалье: неизданные материалы... С. 26.

⁶² Там же. С. 28.

сведения о «разносторонней сельскохозяйственной деятельности» А.Ф. Фролова в с. Шушенском – хлебопашестве, разведении лошадей, которых декабрист имел целый табун, огородничестве в крупных размерах, устройстве мельницы, а также, что немаловажно, говорит о распространении декабристом агрокультуры среди местных крестьян путем передачи им выписанных из России хлебных и огородных семян и готовности к любой другой помощи⁶³. Кроме того, В.П. Гирченко сообщает новые данные о сельскохозяйственной деятельности декабриста М.Н. Глебова, поселенного с 1832 г. в с. Кабанском Иркутской губернии. Именно он выступал посредником при пересылке семян из Петровского Завода в Минусинский округ, так как проживал в торговом селении, выгодно расположенном на Большом Московском тракте. Сам М.Н. Глебов, по мнению В.П. Гирченко, основанном на изучении архивных документов (донесении старост Ильинской волости, к которой относилось Кабанское), занимался хлебопашеством⁶⁴.

Закключение. Подводя итог первому опыту советской историографии, подчеркнем, что все рассмотренные работы основаны на новых, активно вводимых в научный оборот источниках, а тема сельскохозяйственной деятельности декабристов в Сибири впервые получила самостоятельное звучание, была заявлена ее важность в контексте других проблем декабристоведения. Если в дореволюционной историографии сельскохозяйственная деятельность декабристов в ссылке не стала объектом специального рассмотрения, то в 1920-е годы в связи с особым вниманием исследователей как к истории революционного и освободительного движения, так и к проблемам социально-классовой истории рабочих и крестьян, получила особый импульс для изучения. В юбилейных сборниках 1925 г. была создана прочная основа, сохраняющая свое значение и в наши дни для дальнейшего раскрытия темы. Советские историки, начиная с конца 1920-х годов, активно использовали сформированный юбилейными изданиями научный плацдарм при исследовании занятий декабристов в Сибири сельским хозяйством, что проявилось уже в самые ближайшие годы. Например, на страницах издания «Декабристы в Бурятии», вышедшего в 1927 г., было продолжено освещение темы – В.П. Гирченко, М.К. Азадовский, И.М. Троцкий, Ф.А. Кудрявцев, В.В. Попов в своих исследованиях и статьях-публикациях новых источников приводят дополнительные сведения и расширяют научное знание о сельскохозяйственной деятельности в крае декабристов братьев Бестужевых, братьев Кюхельбекеров, К.П. Торсона, И.Ф. Шимкова⁶⁵.

В рассмотренных юбилейных изданиях достаточно подробно описана сельскохозяйственная деятельность декабристов в Восточной Сибири, о Западной Сибири встречаются лишь эпизодические упоминания. Это связано с общей научной ситуацией 1920-х годов, наличием в тот период именно в Восточной Сибири исследовательских центров (музеев, комиссий, архивов) по изучению движения декабристов, в том числе и их сельскохозяйственной деятельности. Главным центром по изучению декабристов в Сибири постепенно становится Иркутский университет, где формируется передовая научная школа советского декабристоведения, ярким представителем и основателем которой является Б.Г. Кубалов.

Тема сельскохозяйственной деятельности декабристов в Сибири с середины 1920-х годов заняла значительное место в структуре проблем сибирского декабристоведения, почему и нашла свое отражение на страницах всех юбилейных сборников. Концептуально, как и сибирское декабристоведение того периода в целом, тема была вписана в рамки краеведческих изысканий; с эволюцией и развитием движения декабристов, конечно же, исследователи ее пока не связывали, но в подавляющем большинстве работ она была включена в рамки проблемы о культурном влиянии декабристов на Сибирь, их роли в экономическом развитии края. Этот подход стал мощной предпосылкой для постепенного развития концепции советского декабристоведения 1980-х годов, когда хозяйственно-экономическая деятельность декабристов в Сибири в ряду других направлений стала рассматриваться как важный элемент эволюции и продолжения движения декабристов после восстания.

⁶³ Гирченко В.П. Из неизданной переписки декабристов... С. 28.

⁶⁴ Там же. С. 29.

⁶⁵ Декабристы в Бурятии. Верхнеудинск, 1927.

Наиболее подробно тема сельскохозяйственной деятельности декабристов в Сибири была раскрыта в трудах Б.Г. Кубалова, А.В. Ватина-Быстрянского, А.П. Косованова. В тематической структуре юбилейных сборников первое место по освещению темы принадлежит ежегоднику Минусинского музея. Ряд исследователей, в первую очередь Б.Г. Кубалов, демонстрирует ярко выраженный классовый подход при ее освещении, показывая взаимоотношения дворян-декабристов с сибирским крестьянством в сложных условиях сельскохозяйственного предпринимательства с неизбежными элементами новых буржуазных отношений. Проблема сельскохозяйственной деятельности декабристов была поставлена и вышла на отдельный уровень изучения не только через экономический анализ, но и в классовом аспекте – через проведение связи декабристов с крестьянством, их классового и хозяйственного взаимодействия в Сибири. И неслучайно одной из первых серьезных работ о сельскохозяйственной деятельности декабристов в Сибири стала статья Б.Г. Кубалова «Крестьянство и декабристы».

Подчеркнем, что, несмотря на то, что тема получила мощный задел для развития еще в середине 1920-х годов, обобщающей работы о сельскохозяйственной деятельности декабристов в Сибири так и не появилось, не раскрыта или недостаточно раскрыта сельскохозяйственная деятельность отдельных декабристов, в том числе имевших крупные хозяйства, например даже братьев Бестужевых (что на первый взгляд кажется абсурдным, так как существует историографическая иллюзия изученности их биографий и наследия). Но причины подобной историографической ситуации кроются, конечно же, не в 1920-х годах – ученые того времени сделали практически все от них зависящее для успешного становления и дальнейшей разработки проблематики.

В середине 1920-х годов тема аграрной деятельности декабристов в Сибири и ее отдельные проблемные поля (об их культуртрегерской миссии в области сельского хозяйства, о просветительно-экономическом влиянии на народ, о вкладе в развитие производительных сил Сибири) впервые были поставлены в научном ракурсе, также было положено начало их научному раскрытию и наполнению. Тем самым была заложена основа для концептуального прорыва в советском декабристоведении 1980-х годов, когда В.Б. Бахаев провел прямую связь между идеологией Союза благоденствия и сельскохозяйственными занятиями декабристов в Сибири, их весомым вкладом в аграрно-экономическое развитие края. Собственно говоря, наука не без некоторых трудностей последовательно шла к этой идее начиная со столетнего юбилея восстания декабристов.

Литература

Бахаев В.Б. Общественно-просветительская и краеведческая деятельность декабристов в Бурятии. Новосибирск: Наука, 1980. 176 с.

Ватин-Быстрянский В.А. Политическая ссылка в Минусинске (Декабристы. Польские повстанцы) // Декабристы в Минусинском округе. К 100-летию юбилею восстания декабристов. Ежегодник Государственного музея им. Н.М. Мартыанова. Минусинск: Гос. музей им. Н.М. Мартыанова, 1925. Т. III, вып. II. С. 1–34.

Гирченко В.П. Из неизданной переписки декабристов // Декабристы в Забайкалье: неизданные материалы. Чита: Тип. Акционер. о-ва Печатное дело, 1925. С. 25–30.

Гонцова-Берникова В.А. Из жизни декабристов на каторге и в ссылке в 1827 году // Декабристы на каторге и в ссылке: 1825–1925. М.: Изд-во Всесоюзного общества политических каторжан и ссыльнопоселенцев, 1925. С. 57–81.

Грешенин Г.С. Предисловие // Декабристы в Забайкалье: неизданные материалы. Чита: Тип. Акционер. о-ва Печатное дело, 1925. С. 7–8.

Казмирчук Г.Д., Рафальский О.А. Освещение проблемы «Декабристы и Сибирь» в отечественной литературе. 1975–1985 гг. Киев: Киевский государственный университет, 1987. 34 с.

Коваль С.Ф. Декабристы в Сибири. Некоторые итоги и задачи исследования // Сибирь и декабристы. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1978. Вып. 1. С. 20–27.

Косованов А.П. Годы изгнания декабристов Фаленберга и Фролова (По новым данным архива Мартыановского музея) // Декабристы в Минусинском округе. К 100-летию восстания декабристов. Ежегодник Государственного музея им. Н.М. Мартыанова. Минусинск: Гос. музей им. Н.М. Мартыанова, 1925. Т. III, вып. II. С. 35–66.

Косованов А.П. Новые страницы из жизни минусинских декабристов // Декабристы в Минусинском округе. К 100-летию восстания декабристов. Ежегодник Государственного музея им. Н.М. Мартыанова. Минусинск: Гос. музей им. Н.М. Мартыанова, 1925. Т. III, вып. II. С. 67–84.

Кубалов Б.Г. Крестьяне Восточной Сибири и декабристы // Сибирь и декабристы. Статьи, материалы, неизданные письма, библиография. Иркутск: Иркутский губ. исполнит. комитет, 1925. С. 15–40.

Кубалов Б.Г. Члены «Тайного общества военных друзей» на каторге и поселении // Декабристы на каторге и в ссылке: 1825–1925. М.: Изд-во Всесоюзного общества политических каторжан и ссыльнопоселенцев, 1925. С. 287–306.

Мамсик Т.С. Хозяйство ссыльных декабристов братьев Кюхельбекеров // Ссылные декабристы в Сибири. Новосибирск: Наука, 1985. С. 126–148.

Попов П.Н. П.А. Муханов в Сибири // Декабристы на каторге и в ссылке: 1825–1925. М.: Изд-во Всесоюзного общества политических каторжан и ссыльнопоселенцев, 1925. С. 201–243.

Сакулин П.Н. А.И. Одоевский в неизданных письмах // Декабристы на каторге и в ссылке: 1825–1925. М.: Изд-во Всесоюзного общества политических каторжан и ссыльнопоселенцев, 1925. С. 124–200.

Соколов В.Н. Декабристы в Сибири. Новосибирск: ОГИЗ, НовосибГИЗ, 1946. 240 с.

Энов А.Г. Декабристы в Забайкалье. Краткий очерк // Декабристы в Забайкалье: неизданные материалы. Чита: Тип. Акционер. о-ва Печатное дело, 1925. С. 9–24.

References

Bakhaev, V.B. (1980). *Obshchestvenno-prosvetitel'skaya i kraevedcheskaya deyatel'nost' dekabristov v Buryatii* [The Social and Educational Activities of the Decembrists in Buryatia]. Novosibirsk, Nauka. 176 p.

Epov, A.G. (1925). Dekabristy v Zabaykal'e. Kratkiy ocherk [The Decembrists in Transbaikalia. The Overview Essay]. In *Dekabristy v Zabaikal'e: neizdannye materialy*. Chita, pp. 9–24.

Girchenko, V.P. (1925). Iz neizdannoy perezpiski dekabristov [From the Unpublished Correspondence of the Decembrists]. In *Dekabristy v Zabaikal'e: neizdannye materialy*. Chita, pp. 25–30.

Gontsova-Bernikova, V.A. (1925). Iz zhizni dekabristov na katorge i v ssylke v 1827 godu [From the Life of the Decembrists in Exile in 1827]. In *Dekabristy na katorge i v ssylke: 1825–1925*. Moscow, pp. 57–81.

Greshenin, G.S. (1925). Predislovie [Foreword]. In *Dekabristy v Zabaikal'e: neizdannye materialy*. Chita, pp. 7–8.

Kaz'mirchuk, G.D., Rafal'skiy, O.A. (1987). *Osveshchenie problemy "Dekabristy i Sibir" v otechestvennoy literature. 1975–1985 gg.* [Reporting on the Issue of "The Decembrists and Siberia" in Russian Literature. 1975–1985]. Kiev, Kievskiy gosudarstvennyy universitet. 34 p.

Kosovanov, A.P. (1925). Gody izgnaniya dekabristov Falenberga i Frolova (Po novym dannym arkhiva Mart'yanovskogo muzeya) [The Years of Exile of the Decembrists Falenberg and Frolov (According to New Data from the Martyanovsky Museum Archive)]. In *Dekabristy v Minusinskom okruge. K 100-letnemu yubileyu vosstaniya dekabristov. Ezhegodnik Gosudarstvennogo muzeya im. N.M. Mart'yanova*. Minusinsk. Vol. III, Iss. II, pp. 35–66.

Kosovanov, A.P. (1925). Novye stranitsy iz zhizni minusinskikh dekabristov [New Pages from the Lives of the Minusinsk Decembrists]. In *Dekabristy v Minusinskom okruge. K 100-letnemu yubileyu vosstaniya dekabristov. Ezhegodnik Gosudarstvennogo muzeya im. N.M. Mart'yanova*. Minusinsk. Vol. III, Iss. II, pp. 67–84.

Koval', S.F. (1978). Dekabristy v Sibiri. Nekotorye itogi i zadachi issledovaniya [The Decembrists in Siberia. Some Results and Research Objectives]. In *Sibir' i dekabristy*. Irkutsk. Vol. 1, pp. 20–27.

Kubalov, B.G. (1925). Chleny "Taynogo obshchestva voennykh družey" na katorge i poselenii [Members of the Secret Society of Military Friends in Penal Servitude and Forced Settlement]. In *Dekabristy na katorge i v ssylke: 1825–1925*. Moscow, pp. 287–306.

Kubalov, B.G. (1925). Krest'yane Vostochnoy Sibiri i dekabristy [Peasants of Eastern Siberia and the Decembrists]. In *Sibir' i dekabristy. Stat'i, materialy, neizdannye pis'ma, bibliografiya*. Irkutsk, pp. 15–40.

Mamsik, T.S. (1985). Khozyaystvo ssyl'nykh dekabristov brat'ev Kyukhel'bekеров [The Farm of the Exiled Decembrists, the Kuchelbecker Brothers]. In *Ssyl'nye dekabristy v Sibiri*. Novosibirsk, pp. 126–148.

Popov, P.N. (1925). P.A. Mukhanov v Sibiri [P.A. Mukhanov in Siberia]. In *Dekabristy na katorge i v ssylke: 1825–1925*. Moscow, pp. 201–243.

Sakulin, P.N. (1925). A.I. Odoevskiy v neizdannykh pis'makh [A.I. Odoevsky in Unpublished Letters]. In *Dekabristy na katorge i v ssylke: 1825–1925*. Moscow, pp. 124–200.

Sokolov, V.N. (1946). *Dekabristy v Sibiri* [The Decembrists in Siberia]. Novosibirsk, OGIZ, NovosibGIZ. 240 p.

Vatin-Bystryanskiy, V.A. (1925). Politicheskaya ssylka v Minusinske (Dekabristy. Pol'skie povstantsy) [Political Exile in Minusinsk (The Decembrists. The Polish Insurgents)]. In *Dekabristy v Minusinskom okruge. K 100-letnemu yubileyu vosstaniya dekabristov. Ezhegodnik Gosudarstvennogo muzeya im. N.M. Mart'yanova*. Minusinsk. Vol. III, Iss. II, pp. 1–34.